

Светлана Федотова

‘Эротические жесты’ в эпистолярном дискурсе (на материале переписки А.А. Блока с Л.Д. Менделеевой–Блок)

‘Erotic Attitudes’ in an Epistolary Discourse (Based on Aleksandr Blok’s Correspondence with Liubov’ Mendeleeva-Blok)

The present article proposes a study of the correspondence between Aleksandr Blok and Liubov’ Mendeleeva seen as an exchange based on a highly subjective love-erotic discourse and as an epochal phenomenon of rethinking of Eros elaborated through such a discourse. Particular attention is paid to the communicative strategies of the correspondents in their joint creation of this epistolary discourse. The study of the signatures used by Liubov’ Mendeleeva-Blok in the letters shows her role in the creation of the erotic modus of the letter exchange (through what we call ‘erotodeixis’). Finally, the article analyses how erotic attitudes in the correspondence are replaced with attitudes of philia, a love-friendship relationship.

Интеракция телесного и дискурсивного жестов в эпистолярной модернизме

В центре внимания данной статьи – переписка А.А. Блока с Л.Д. Менделеевой как один из самых значительных фактов языковой и экзистенциальной ситуации начала XX века. Ее можно рассматривать и как предельно субъективный любовно-эротический дискурс, и как эпохальный феномен переосмысления эроса, описываемый этим

дискурсом. В любом случае – перед нами не реальные жизненные факты и события, а их эпистолярная рефлексия, т.е. прежде всего определенным образом организованный дискурсивный текст. Но даже и с такой оговоркой, все равно есть некая априорная неловкость из-за вторжения в сугубо интимный разговор двоих, не терпящий, по определению, взгляда посторонних. Оправдательным аргументом выступает здесь история литературы в целом и эписто-

лярного жанра в частности. Публичный характер имели многие эпистолярные циклы в эпохи, предшествующие романтизму. Но и романтики, выдвинувшие на первый план интимность, исповедальность, суггестивность письма, преломившие его в субъективизированных жанрах лирических фрагментов, отрывков из дневника, дружеском или любовном признании, все же не исключали возможность напечатания в отдаленном будущем своих писем и принимали определенные меры для их сохранения (Елистратова 1973: 310). Публикация частного материала придает ему, как известно, характер литературного факта, “интимно-личное” преобразуется “в общее, в историческое” (Орлов 1978: 24). С другой стороны, феномен модернистского жизнетворчества, постоянно притягивающий к себе внимание исследователей, по сути своей предполагает взаимопроникновение текста жизни и текста искусства, для которого, по формулировке современного ученого, характерны семиотически насыщенные, “трансцендирующие традиционно-текстуальные границы” “пластические жесты” (Июффе 2005: 126–127).

Именно такие, семиотически насыщенные жесты в эпистолярном дискурсе, т.е. событийно-вербализованные поступки, действия определенной направленности, и находятся в центре нашего внимания. Если реальный жест, по Ю.М. Лотману, “всегда знак и символ” (Лотман 1992: 303), то вербализованный жест – явный или подразумеваемый – в еще большей степени нагружен значениями и смыслами, которые разгадывает получатель письма. Влюбленный же, как замечательно сформулировал Р. Барт, всегда “стихийный семиолог” (Барт 1999: 270), тем более если он вычитывает знаки любви не при встрече с любимым, в его лице, мимике и жестах, а в его письме, опосредованном грамматикой, риторикой, литературными образами, наконец, его собственным воображением. Это сближает любовную переписку и с актом художественного творчества, и с эротическими действиями, а значит, и жестами, за которыми следуют поступки и поведенческие тексты (Лотман 1992: 307).

Таким образом, “эротические жесты”, о которых пойдет речь в этой статье, имеют отношение к проблематике дискурсивной интеракции “вербаль-

ного текста” и “события жизни”. П. Рикер предлагал считать “дискурсивное событие”, значимое высказывание, или энергично заряженный речевой акт, полноценным элементом “реальной жизни” физических субъектов и объектов, иницирующим построение “текста поведения” и “текста жизни культуры” (Иоффе 2005: 130–133).

Особенно это важно для эпохи, получившей устойчивое метафорическое название Серебряного века, с ее эротически-утопическими проектами. “Пришла проблема пола, румяная фефела ...” – сатира Саша Черного констатировала далеко не юмористические ситуации, связанные с усилиями многих видных модернистов преобразить или преодолеть пол¹. Эпистолярные диалоги между участниками любовных пар, а иногда и треугольников, помимо автобио-

¹ Необычных, в разных отношениях нетрадиционных браков в это время было предостаточно: Д. Мережковский и З. Гиппиус, А. Блок и Л. Менделеева, Вяч. Иванов и Л. Зиновьева-Аннибал, М. Волошин и М. Сабашникова, Андрей Белый и А. Тургенева, союз В. Маяковского и Л. Брик и т.д. Своеобразие эротики в Серебряном веке – тема, не страдающая отсутствием интереса (см., напр., известные работы: Матич 2008; Павлова 2004).

графического, литературно-фактического или жанрово-стилевого, интересны и как документы жизнотворческого характера, которые касаются самых главных и важных вопросов бытия – любви и пола прежде всего. Отсюда такое живое внимание к опубликованной переписке Вячеслава Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал (Переписка 2009), Валерия Брюсова и Нины Петровской (Переписка 2004), Макса Волошина и Маргариты Сабашниковой (Волошин 2013; Волошин 2015). Без этих книг пускаться в обсуждение личных взаимоотношений ‘героев’ Серебряного века – занятие более чем сомнительное и уж, несомненно, далекое от литературоведческих изысканий. Что касается Блока, то здесь до последнего времени ситуация была несколько иной. Вокруг любовной и семейной истории поэта всегда существовала некая недоговоренность, стыдливое умолчание – благодатная среда для фабрики мифов, но чаще слухов и сплетен.

В 1978 году в 89-м томе *Литературного наследия* по цензурно-идеологическим соображениям были опубликованы только письма поэта к жене. Отдельные выдержки из ее писем, приведенные в ком-

ментарии, не позволяли услышать ее голос, увидеть ее подлинную роль в этом загадочном эпистолярном романе. На первом плане был “трагический тенор эпохи”, его реплики в диалоге, а собеседница оставалась на вторых ролях, невидимым суфлером, безликим в языковом отношении. На основе однобокой переписки реконструировались целостная личность поэта-символиста и его отношения с “Прекрасной Дамой” (Мельникова 1984: 16–26; Берендеева 2011: 108–113). В то же время, в 1979 г. в печать попали неоконченные мемуары Л.Д. Менделеева–Блок. Работа над ними велась с 1929 г. и до смерти мемуаристки (1939). Беспрецедентная по тем временам откровенность *И былей и небылиц о Блоке и о себе*, выводимая там ‘правда’ раскрывала драму совместной жизни в психоаналитическом дискурсе телесности, но опять же монологически и асинхронно (что породило распространенный подход с точки зрения гендера (Шоре 2003: 233–250). И только теперь, когда вышла в свет полная переписка Блока с Любовью Дмитриевной (Переписка 2017), мы наконец-то получили возможность увидеть ее без купюр и монологодности, а значит, имеем право

попытаться рассмотреть перформативно-эротические жесты, присутствующие в эпистолярном дискурсе, моделирующие дальнейшие поступки и поведение двух влюбленных. Статья Д.М. Магомедовой *Роман в письмах*, предваряющая восстановленный диалог двух, с исчерпывающей полнотой рассматривает двойственную роль Л.Д. Менделеевой–Блок в жизни поэта. С одной стороны, с нею связаны все главные события его душевной жизни, претворенные в целостный автобиографический миф, ее образом вдохновлены важнейшие произведения (начиная от *Стихов о Прекрасной Даме*, кончая драмой *Роза и Крест* и последними стихами 1916 г.). С другой – она выступила первым демифологизатором личных взаимоотношений с поэтом-символистом, “жестко и недвусмысленно” сформулировавшим “причину их семейного разлада” – “крайне ненормально сложившуюся половую жизнь” (Магомедова 2017: 3–4). Замена плотских отношений аскетическими, по единовластному решению мужа и при отчаянном сопротивлении молодой жены, – вот основная причина их драматических отношений, которые, по мнению Л.Д. Менделеевой–Блок, должны

быть проанализированы с помощью психоанализа З. Фрейда прежде всего.

Среди многообразных аспектов изучения переписки в контексте русского модернизма, с его воспринятыми от Вл. Соловьева жизнетворческими задачами, трансформирующими “тексты жизни” в “тексты искусства”, Д.М. Магомедова выделяет и тот, который представляет для нас особый интерес, – дискурсивные практики корреспондентов, их эпистолярные стратегии. Развивая наблюдения исследовательницы, попробуем более детально рассмотреть речевое поведение героев, которое менялось на разных этапах их отношений.

*“Сакральное” и “профанное”:
поисках общего языка*

Переписка Блока с женой отчетливо делится на два периода: 1901–1903 и 1907–1917 гг. Первый период охватывает события “мистического романа” до свадьбы 17 августа 1903 г., заканчиваясь с возвращением А.А. Блока из-за границы в июне того же года. Второй – вбирает в себя все драматические события после заключения супружеского союза, связанные с взаимными изменами (первой из которых,

как известно, был роман Л.Д. Блок с Андреем Белым), бурной эмансипацией Любови Дмитриевны от “функции жены поэта”, ее многочисленные отъезды, связанные с театральными гастрольями, влюбленностями и т.д. В годы Первой мировой войны супругов разделяют территориально, но связывают эпистолярно исторические события. После революции, в августе 1917 г., они соединяются вновь и вплоть до смерти поэта живут вместе. Д.М. Магомедова прослеживает изменение стилистики писем корреспондентов в течение этих двух периодов. Самые первые записки выдержаны с обеих сторон в учтиво-официальном тоне. Они связаны с приглашениями на вечера или любительские спектакли. Корреспонденты обращаются друг к другу по имени-отчеству и на Вы, подписывают письма фамилиями или общепринятыми формулами прощания (“Л. Менделеева”, “Глубоко преданный Вам Ал. Блок”). В личном общении уже на самых первых шагах проявилось то различие дискурсивного поведения молодых людей, в котором, по верному замечанию автора вступительной статьи, “обнажается основа будущей семейной драмы Блока”. В неотправлен-

ном письме Л.Д. Менделеевой от 29 января 1902 г. она мотивировала необходимость разрыва отношений с поэтом: “Мне вдруг совершенно неожиданно и безо всякого повода ни с Вашей, ни с моей стороны, стало ново до чего мы чужды друг другу, до чего Вы меня не понимаете. Ведь Вы смотрите на меня как на какую-то отвлеченную идею; Вы навоображали обо мне всяких хороших вещей и за этой фантастической фикцией, которая жила только в Вашем воображении, Вы меня, живого человека, с живой душой, и не заметили, проглядели...” (Переписка 2017: 23–24)². Мистико-философский дискурс Блока вызывал резкое отторжение со стороны девушки, чувствующей свою экзистенциальную правду, свое право на самобытность. В своих поздних воспоминаниях Л.Д. Блок, приводя это письмо, комментирует его как “бунт” Прекрасной Дамы. Нельзя не согласиться с Д.М. Магомедовой в том, что девушка протестовала против навязываемой ей роли “в некоем жизнетворческом сюжете, который для нее чужд и непонятен” (Магомедова 2017:

² См. комментарий к этому письму (Магомедова 2017: 10; Игошева 2013: 276–277).

10). В этом раннем конфликте отчетливо прослеживается столкновение двух речевых дискурсов, “сакрального” у Блока и “профанного” у Любови Дмитриевны, за которыми стоят различия в понимании смысла и форм любви.

Решительное объяснение произошло 7 ноября 1902 г., после чего письма становятся ежедневными. Весь предсвадебный период дает огромное количество материалов для анализа эпистолярных стратегий жениха и невесты, пытающихся найти общий язык, понятный и приемлемый для обоих. И именно в этот период можно уследить вербализованные эротические жесты, указывающие на затаенно-бушующую чувственность влюбленных. В их наличии скрывалась, как кажется, альтернативная история развития любовно-семейных отношений Александра Блока и Любови Менделеевой.

Хорошо известно, что ранние письма Блока полны молитвенных обращений к обожаемой возлюбленной. В этих лирических этюдах в прозе – прототексты *Стихов о Прекрасной Даме*, протообразы “многокомпонентного характера” их главной героини (Игошева 2013: 276). Поэт привлекает весь мировой вокабу-

лярий, чтобы выразить свое мистическое преклонение перед земным воплощением Божественного. В экстатическом религиозно-мистическом дискурсе Блока любимая девушка почти кощунственно наделяется литургическими предикатами Бога и Богородицы. Примеров сакрализации возлюбленной не перечислить. В неотправленном письме от 5–7 февраля 1902 г. он называет ее “земным воплощением пресловутой Пречистой Девы или Вечной Женственности” (Переписка 2017: 33). В письме от 15 ноября 1902 г. пишет:

Ты – мое Солнце, мое Небо, мое Блаженство. Я не могу без Тебя жить ни здесь, ни Там. Ты Первая моя Тайна и Последняя Моя Надежда. [...] Ты – Звенящая, Великая, Полная, Осанна моего сердца бедного, жалкого, ничтожного. Мне дано видеть Тебя Неизреченную. Не принимай этого как отвлечение, как теорию, потому что моей любви нет границ, преград, пределов ни здесь, ни там. И ты везде бесконечно Совершенная, Первая и Последняя (Переписка 2017: 35).

Но не менее явно бьют ключи сильных эротических чувств влюбленного поэта: “Прекрасней Тебя – нет. Желанней Тебя – нет. Обольстительней Тебя – нет. Ты – вся женственность, не оставившая женщины, и женщина, не возмущающая женственности” (Переписка 2017: 43). В послании от 20 ноября 1902 г. сила его желания выражается в готовности выполнять любое, даже преступное приказание возлюбленной. При чаемой встрече, – обещает он, – “будет говорить страсть, не будет преград. Вели – и я выдумаю скалу, чтобы броситься с нее в пропасть. Вели – и я убью первого и второго и тысячного человека из толпы и не из толпы” (Переписка 2017: 46).

Л.Д. Менделеева воспринимала мистический дискурс писем поэта-соловьевца настроенно, и роль, навязываемую ей влюбленным, изначально не понимала и не принимала: “Ты пишешь что-то, что я не совсем понимаю, но раз ты веришь всему этому, буду верить и я, пойму потом. Только где я возьму ‘гневную силу духа’?” (Переписка 2017: 74). Но Блок убеждает ее, соединяя земное и небесное поклонение в едином порыве страстной любви: “А Ты по-

верь мне до конца, что я люблю Тебя земной любовью, что больше этой любви нет пока, а потом только настанут иные времена. Но мне не надо их теперь, потому что в Тебе такой, как Ты есть – мое все, моя вера, мой Бог” (Переписка 2017: 77). В послании из Германии от 6/19 июня 1903 г. умоляет верить его любви, характерно ставя в один ряд божественные и земные имена: “Повтори, что веришь всему? Повтори, Искра Божественная, повтори, Дева, Богородица, Мать Святая! Повтори, Любочка!” (Переписка 2017: 174). Можно приводить еще много подобных ультраромантических высказываний, но ограничимся этими цитатами. В них отчетливо видна экспансия мистериального дискурса, властное стремление поэта идеализировать Любовь Дмитриевну и “переключить” ее восприятие любовного сюжета в мистический регистр. Обращает также на себя внимание своеобразная “эротонимика” Блока: незначительные вариации “грамматических преобразований личного имени” возлюбленной (Эпштейн 2006). Это связано, вероятно, не только с удивительным совпадением любимой с именем самой Любви, но и с неукротимым желанием

увеличить количество божественных признаков, предикатов к их сакрализованному носителю.

Однако переписка свидетельствует, что Л.Д. Менделеева достаточно последовательно противостоит блоковской языковой стратегии, она не пытается подражать стилю писем Блока, сохраняя точность, немногословность и предельную конкретность своей речи, несомненно, тяготясь обязанностью писать. И тем не менее именно ее дискурс влияет на речь влюбленного поэта, вытесняя мистическую лексику за пределы общего эпистолярного пространства.

Эртодеиксис

Если подойти к досвадебному этапу “романа в письмах” с точки зрения теории речевой коммуникации, то, наверное, не будет преувеличением рассматривать его как взаимодействие непрямого и прямого говорения об эросе. Так, чрезвычайно важно, что после решительного выяснения отношений 7 ноября 1902 г. короткое, но информативное письмо через день первой пишет Любовь Дмитриевна: “Мой милый, дорогой, бесценный Сашура, я люблю те-

бя! Твоя”. Комментаторы приводят характерную позднейшую мемуарную оценку Л.Л. Блок: “Отправленная мной записочка совершенно пуста и фальшива, уже потому, что никогда в жизни не называла я Блока, как в его семье, ‘Сашурой’” (Переписка 2017: 35). Тем не менее, сам текст письма не позволяет воспринимать его только как “фальшивку”. Наоборот, оно является принципиально важным “свидетельством поворота в развитии эпистолярного сюжета” (Берендеева 2011: 110); а домашнее имя “Сашура” пусть нечасто, но все же встречается в переписке и дальше. Особое же внимание обратим на подпись и специально затронем ее лингвистическое значение. Семантика притяжательного местоимение “твоя” (как и других из этого разряда) связана со значением посессивности (отношения между двумя субъектами или объектами, которое определяется идеей обладания одного из них другим). Если реальный указующий жест эквивалентен указательному местоимению (Лотман 1992: 221), то в дискурсивной речи эмфатически выделенное местоимение приобретает семантику жеста, семиотизируется, становясь дейктической отсылкой к подразуме-

ваемому референту высказывания. Поэтому смелое употребление местоимения в субстантивной форме, в качестве единственно истинного именования пишущей, можно назвать ‘эротодейксисом’³, указанием на эротическое движение. Оно психологически точное, максимально знаковое для перехода на новый виток отношений с возлюбленным – отношений эротических прежде всего. Оно заряжено жестом отдачи, объятия, слияния до неразличимости, но при этом сохраняет максимальную дейктичность, формальность, в каждом отдельном случае наполняемую семантикой животрепещущей любовной конкретики. Его можно назвать “любовной фигурой речи” (по Р. Барту) в утопическом языке любви, где на первом месте – магическое перформативное слово, “контрзнак”, сверхслово, “холофраза ‘я–тебя–люблю’” (Барт 1999: 418–419), вторым же по значимости компонентом являются “знаки дейктические,

³ Предлагаемый термин, как кажется, вполне отвечает описываемому феномену. Дейксис (греч. δεῖξις – указание) – указание как значение или функция языковой единицы, выражающая отношения между участниками общения с помощью лексических и грамматических средств.

чистые указательные жесты, демонстрирующие уникальность и неопределимость ‘любимого объекта’ (Барт 1999: 372).

Архетипичность этой фигуры любви, ее древность подтверждается ее фольклорным бытованием. Фраза “Ты моя, я твой” встречается, по наблюдениям А.Н. Веселовского, “в целом ряде народных песен” (Веселовский 1989: 290)⁴. Ее отзвук, наряду с литературными традициями, можно услышать в знаменитом фрагменте письма Татьяны Лариной к Онегину, когда героиня резко меняет речевую ситуацию с “положительной недоступности” (вежливости, почтительности) “вы” на “положительную доступность” (интимность, дружелюбие) (Мельчук, Жолковский: 891) и произносит максимально энергичное, бесповоротное по решимости признание, моделирующее совершенно новые – любовные – отношения между прежними светскими знакомыми: “... То воля неба: я твоя”⁵. В подписи Любви

⁴ В просторечном узусе до сих пор можно услышать название мужа/жены – “Мой/Моя” (напр., “А мой-то на рыбалке”).

⁵ Ю.М. Лотман, ссылаясь на В.В. Набокова и подчеркивая значимость смены местоимения с официально-уважительного на интимное (Набо-

Менделеевой – “Твоя” – можно, таким образом, увидеть и литературную манерность, и наивно-непритязательный голос простой русской девушки, интуитивно заговорившей на древнем языке любви. Но в любом случае на первом плане экспрессия полного подчинения другому, отказа от себя ради слияния с ним, ближе всего напоминающее эротическое расторжение граней, как сказал бы Вяч. Иванов.

Блок мгновенно улавливает эту интенцию и подхватывает ее⁶. Об этом говорят его формулы прощания в ближайших ответных письмах: “Твой, пока живу, пока дышу, до конца” (12 ноября); “Твой до конца” (13 ноября); “Люблю Тебя. Твой”

ков 1998), пишет о том, что это хорошо известный прием по французским эпистолярным романам того времени и что “фразеологическое клише в последней строчке непосредственно восходит к *Новой Элоизе Руссо*” (Лотман: 625).

⁶ Отметим, что такой подписи больше нет в письмах поэта ни к одному корреспонденту, даже к самым близким друзьям и к матери, с которой его связывало не только биологическое, но и душевное родство Во всех случаях местоимение “твой” в формуле подписи всегда выступает как определение, а не субстантив, заменяющий имя. Ср.: “Твой Ал. Блок” (С. Соловьеву), “Твой Сашура” (матери), “Твой любящий Ал. Блок” (Андрею Белому) и т.д. (Блок 1963: 64, 85, 104 и др.).

(14 ноября) и т.д. Он каждый раз подчеркивает это местоимение, употребляемое в именной позиции в формуле прощания, как ставшее общим “чужое слово”, признавая первенство девушки в нахождении точного языкового воплощения их чаемой полной близости, духовной, душевной и физической. Все досвадебные письма делятся на две группы: меньшая их часть вообще не подписывается отправителями, большая – содержит подпись “Твой” / “Твоя”. Это субстантивное местоимение и является двуединым мистико-эротическим жестом, указывающим на обоюдно признаваемую реальную точку в бытии – невыразимо волнующую точку пересечения их судеб, с полной отдачей себя другому.

В результате можно говорить о том, что хотя для Блока на первом плане был сакральный дискурс, он легко откликнулся на иницируемый Л.Д. Менделеевой страстно-эротический модус эпистолярия, соответствующе интонирующий простоту и непритязательность ее стиля. Отъезду поэта с матерью за границу накануне свадьбы мы обязаны необыкновенно насыщенной во многих смыслах перепиской между женихом и

невестой, из которых по необходимости мы затрагиваем только один – любовный дискурс. Письма Блока, поначалу носящие мистически-эротичный, литературный, цитатный характер, постепенно начинают меняться, не только упрощаться по языку, но и все больше и больше наполняться чувственностью, горячим, задыхающимся ритмом, осязательными образами, кружащими голову корреспондентам. Он умоляет невесту: “... пиши все, пиши о страданиях, пиши о муках Твоих, но пиши и о страсти Твоей, ибо я знаю о ней, Ты рассказала мне о ней, Ты, Дивная, вдохнула ее в меня, Ты заставила меня просить и молить Тебя о ней” (письмо от 6/19 июня 1903 г.) (Переписка 2017: 173).

Наращение эротического напряжения прослеживается также в выражениях трепетно-страстного поклонения возлюбленной, семиотически обозначенного жестом целования: “Целую складки Твоего платья” (14 декабря 1902), “Почтительно и страстно целую Твои маленькие, белые руки и Твои золотые волосы” (10 мая 1903), “за Твои письма Твои ноги целую” (4/17 июня 1903), “туфельки Твои целую” (5/18 июня 1903). Но эта утонченная

эротика, вероятно, не соответствовала сокровенным ожиданиям невесты.

Характерно, что в ее досвадебных письмах формула прощания неизменно пассивна: она никогда не использует слово “целую” (за исключением “Поцелуй маму”). Вся любовная энергия концентрируется в субстантивном местоимении “Твоя”. В письме же от 9 июня 1903 г. она не выдерживает и почти требует: “Милый, милый мой, ненаглядный, голубчик, не надо и в письмах целовать ноги и платье, целуй губы, как я хочу целовать долго, горячо” (Переписка 2017: 178). В большом ответном письме от 14/27 июня 1903 г., в котором затрагиваются самые важные проблемы будущей семейной жизни, Блок пишет: “Ты совсем выросла и стала из ребенка женщиной. И потому мне иногда сразу представляются ‘рядом’ наши возрасты, оба сильные, молодые и жгущие друг друга” (Переписка 2017: 193). И дальше отзывается на ее требование:

Ты написала письмо, подождала и подумала. Потом сделала приписку быстрой и стыдливой рукой. Я целую Тебя в губы, как ‘я хочу цело-

вать’ – ‘долго и горячо’. Я прижимаю Тебя близко и чувствую, что Ты дышишь ‘долго и горячо’. Вижу близко Твои брови, Твои волосы, Твои глаза, Твое горящее лицо. А все-таки – ноги и платье, прости, я не могу не поклоняться. Я целую Твой горячий след. Я страстно жду Тебя, моя Огненная Царевна, Мое Зарево (Переписка 2017: 193).

По письмам отчетливо видно, как мистическое поклонение все настойчивее вытесняется томительными эротическими мечтаниями. Так, Блок описывает невесте свой сон:

[...] точно Ты назначила мне тайное свидание где-то и близко и далеко, в тени, у воды. Тут будто вся ночь только для того, чтобы незаметно и тайно от всех сильно и страстно сжать Тебя в объятиях в шепчущей тишине, прижаться к Твоим губам, увести Тебя на край города, будто на край земли, слушать Твой долгий медленный шепот. Мне нужно, чтобы Ты зажала мне губы поцелуями без конца и заставила все

забыть, чтобы предаться Тебе страстно и надолго, без единой мысли (Переписка 2017: 196).

О несомненном влиянии Л.Д. Менделеевой на выработку общего эпистолярного дискурса говорит сам поэт в письме от 14/27 июня 1903 из Бад-Наугейма. Называя возлюбленную “гением молчаливой надежности”, он пишет: “Ты, кроме утверждения прочности нашей будущей жизни (ведь это канва – и все остальное с этим не страшно), делаешь для меня великую вещь: ‘опрощашь’ меня” (Переписка 2017: 192). Не тут ли начало пути “вочеловечения”, который впоследствии станет магистральным в его автобиографическом мифе? Чувственная страстность и “опрощение” стиля увязываются в одно целое. 22 июня / 5 июля 1903 г. Блок пишет о своей “страсти, доведшей” его “до бешеной ревности”. При этом совершенно отчетливо он признает, что инициатором таких сильных, “земных”, страстей выступает невеста: “Вот она – та ревность, которой ‘Ты хотела’. ‘Ты хочешь ее’, в ней много сильного и ‘удобного для будущего’. [...] Ведь Тебя же влечет ко мне, потому что я весь – одна страсть, одно безмерное,

вылившееся из границ чувство” (Переписка 2017: 214–215). А на следующий день признается: “Твое влияние я чувствую во всей силе. Какое хорошее и свежее! Мне уже хочется так попроще сказать, чтобы опять не уйти в слова, которыми все равно ничего не скажешь” (Переписка 2017: 218).

Таким образом, диалогичность предсвадебных писем Блока проявляется в проникновении в его спиритуалистический дискурс страстно-эротических интонаций, выражений и намеков, вполне откровенно соответствующих томительному ожиданию невесты. Высокая поэзия языка страсти не могла не воздействовать на эмпатийное прочтение этих строк девушкой, на ее представление о семейном блаженстве. В целом, ранние письма удобно охарактеризовать, используя выражение В. Шкловского о монологе Джульетты: “Мысль дается как бы в ряде любовных прикосновений” (Шкловский 1966: 87). Эти вербализованные “прикосновения” инициированы были невестой, услышаны и усилены – женихом.

Здесь уместно провести допустимую параллель между эротодейксисом в досвадеб-

ной переписке Блока и Менделеевой и в других любовных посланиях, близких по времени написания. Интересно для сравнения заглянуть, например, в еще один эпохальный “роман в письмах” – Вяч. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. На первом этапе их страстной взаимной любви в письмах встречается аналогичная субстантивация притяжательного местоимения в письмах Лидии Дмитриевны: “Твоя”, “Твоя, твоя” (Переписка 2009: 146, 199 и др.). Но чаще подписи корреспондентов соответствуют формульному сочетанию местоимения и имени или инициалов: “Твоя Лидия”, “Твоя вся Лидия”, “Твой Вячеслав”, “Твой В.” и др. (Переписка 2009: 169, 473 и далее). Причем Иванов ни разу не подписывается просто “Твой”.

То же самое можно увидеть в полной драматизма переписке М. Волошина и М. Сабашниковой, где форма подписи с семантикой полной отдачи встречается крайне редко и только со стороны девушки: напр., в письме от 5/18 октября 1905 г. из Берлина она пишет: “Не тоскуй без меня. Я Твоя, с Тобой” (Волошин 2013: 603). Но Волошин так же, как Блок и многие другие его современники, стремился преодолеть

“земную” страсть, отказаться от власти полового инстинкта, преобразить эрос. Он рассуждает в письме к Сабашниковой от 1/14–2/15 ноября 1905 г. на эту животрепещущую тему: “...в чем наше с тобой ‘уродство’. В нас обоих есть ‘пол’, но он одинаково отступает назад пред чем-то сильнеешим, высшим. Может, в нас с тобой уже первые проблески того человечества, которое победит двойственность, но победит не отречением, а каким-то особым признанием, переходящим пределы” (Волошин 2013: 689). Уже после свадьбы, так же носящей спиритуалистический характер, Волошин отвечает жене: “Меня ужасно смешит твоя фраза: ‘У нас какая-то проституция, а не семья’. Милая, милая моя... Да разве у нас есть ‘семья’? У нас Содружество и как там угодно, но не семья” (Волошин 2015: 162). Но после всех перипетий с Ивановыми, Маргарита Сабашникова до самых последних писем к мужу почти всегда сохраняет подпись с домашним именем: “Твоя Аморя”, редко – “Твоя”, переводя эротически насыщенный вербализованный жест в традиционную формулу прощания близких людей.

Но, пожалуй, наиболее выразительная аналогия встречается в переписке В. Брюсова и Н. Петровской, где оба корреспондента на протяжении сильных и мучительно-страстных для обоих отношений из письма в письмо подписываются этим субстантивным местоимением, удваивая, утраивая его, сопровождая восклицательными знаками, графически выделяя и т.д. Привести постранично все случаи невозможно, остановимся на некоторых произвольно выбранных формулах Брюсова: “Твой, – да! еще совсем, совсем Твой Валерий”, “Твой! Только Твой! Валерий” “Я Твой! Твой! Твой Валерий” (Переписка 2004: 67, 109, 113). Отметим попутно, что Брюсов, как ни бы форсировал интонационные и синтаксические средства, чтобы разнообразить формулу прощания, придать жизненность и убедительность вербализованному эротическому жесту, все же никогда не забывает в конце поставить своей имя или хотя бы его инициал, что, как кажется, указывает на некоторую условность, самообъективированность (или, говоря попросту, он никогда не забывает о себе, не растворяется в другом до конца). Значительно отличается подпись Н.

Петровской, которая так же, как и Л. Менделеева, а за ней и А. Блок, вкладывали всю страсть в короткое, но сильное по экспрессивному воздействию посессивное местоимение, которое и представляет в чистом виде эротический жест эпистолярного дискурса. Но если “Рената”, в силу жизненных обстоятельств, сохранила свое чувство неизрасходованным и неизменным (что отражается в постоянстве ее подписи – “твоя”), то у героев “мистического романа” все поменялось кардинальным образом – не только в жизни, но и во второй, значительно более обширной части переписки – с 1904 по 1917 гг.

“Товарищи”: филия vs. эрос

Первая глава “романа в письмах”, достигшая пика эротической страстности, обрывается, когда поэт возвращается из-за границы. Дальнейшее мы знаем из мемуаров разочарованной новобрачной: “Отвергнута, не будучи еще женой”. Показательно, что с первых шагов аскетически-бесплотной семейной жизни супруги создают новый язык, “домашний”, отражающий чистоту и детскость их взаимоотношений. “Прежде всего это сказывается на номинации

участников переписки (Люба – милая – Буся – Бу – Заяц, Зайц, Зайчик – Зайчичек / Саша – милый мой – хозяин) и в обращениях, и в самоназваниях”, – пишет Д.М. Магомедова, тонко замечая, что шуточный “домашний” язык “оказывается в переписке и в реальной семейной жизни Блоков неизменным средством, позволяющим уходить от драматического напряжения во взаимоотношениях. [...] Если домашний язык сохранен, значит, сохраняется и возможность продолжения общей жизни” (Магомедова 2017: 15).

Это конструктивное замечание применимо и к анализу изменения подписей и формул прощания в письмах разных лет. Выработанный совместно до венчания эпистолярный дискурс кардинальным образом меняется на втором этапе переписки. Бросается в глаза полное исчезновение мистического языка Блока. Общение переходит в “земной” план, по конкретным поводам, и чаще всего он связан с отъездами Любви Дмитриевны на гастроли или ее любовными увлечениями. “Роман в письмах” из романтического и мистического переходит в реалистически-психологический. Меняется речевое поведение корреспон-

дентов. Позиция жены чаще всего активна, она риторически поддерживает любовь к мужу, который “отпустил ее на свободу”. Риторически не значит неискренно, но традиционные “формулы” любви, которые Любовь Дмитриевна “твердит от письма к письму” (Магомедова 2017: 17), теряют свою действенность и выглядят заученными жестами, часто навязчивой жестикуляцией. Где бы и с кем бы она ни была, ее послания неизменно заканчиваются “поцелуями”, которые выглядят вполне “формульными”, ритуальными, восполняя отсутствующие в реальности эротические чувства. В письмах поэта, наоборот, за редким исключением полностью отсутствует “целование”, никаких страстных излияний, никаких намеков на чувственность, так сильно заряжавшую его предсвадебные послания: его тон сдержан, заботлив, почти всегда нежен, хотя в критические моменты окрашен нотами тоски и страдания от одиночества. Установившиеся после свадьбы отношения милого “товарищества”, шутливой детскости и ушедшего в подтекст разочарования в мечте о счастливом браке ярче всего проявляются в подписях писем. Динамика их изменения

свидетельствует о нарастании отчужденности. Исчезает в первую очередь принятая раньше форма субстантива притяжательного местоимения “Твой” / “Твоя”. Сначала его употребление в письмах Л.Д. Блок переходит в стандартную языковую конструкцию, смягченную домашним именованием (“Твоя Буся”), затем от этого имени остается начальная буква (“Твоя Б.”, “Твоя Л.”), гораздо чаще встречается отстраненно-объективированное “Люба”, в последние же годы устойчиво используются инициалы (“Б.”, “Л.”, “Л.Б.”), выступающие чистыми знаками присутствия. Аналогично ведет себя Блок, подписываясь сначала “Саша”, “Твой Саша”, но чем дальше, тем чаще – “А.”, “А.Б.” В письме от 12 ноября 1912, где он просит жену, увлеченную новой любовью к К.К. Кузьмину-Караваеву, оставить домашний язык, встречаем даже полную официальную подпись отчужденного характера: “Александр Блок”.

Однако в переписке есть один момент, озаглавленный рецидивом обращения к ранней подписи. Инициатором опять выступает Любовь Дмитриевна, впервые переживающая счастье в любовных отношениях с актером К. Давидов-

ским. Судя по содержанию писем, зарождение нового чувства воскрешает в ней, очевидно, по контрасту, память об идеально-мистической любви юности. В ее февральские и мартовские послания мужу из гастрольных городов, намекающие на новый роман, возвращается подпись “Твоя”. Затем следует письмо от 24–30 марта 1908 г., в котором она просит развода: “... жить нам вместе кажется невозможно” и отчужденно подписывается “Люба” (Переписка 2017: 292). Угроза развода вызывает мучительную тревогу Блока. Далеко не случайно многие его ответные письма в апреле-августе подписываются заветным кодовым словом “Твой”. Все это прочитывается как попытка сохранить семейный союз, апеллируя к мистико-эротическому идеальному опыту начальных отношений. Взаимными уверениями в единственности их любви, в необходимости вернуть утрачиваемое духовное родство наполнены письма этого драматического периода. Пожалуй, наиболее точно состояние Л.Д. Блок передают ее слова из письма от 22 июля 1908 г.: “К тебе, с тобой, найти себя твою опять, опять” (Переписка 2017: 319). Они выглядят почти стихами – ритмичные, кон-

центрированные, семантически нагруженные. В них все – и стремление вернуться и быть с тем, кто видел в ней воплощение Вечной Женственности, но не был изначально равнодушен и к ее женскости; и надежда найти себя прежнюю, блоковскую Прекрасную Даму, и в то же время тоска от неизбежности возвращения (“опять, опять”). Крест сублимированного эротизма... Показательно, что письма, отправленные обеими сторонами в один день, 2 августа 1908 г., накануне возвращения домой жены Блока, беременной от К. Давидовского, в последний раз подписываются “Твой” / “Твоя”. Это выглядит как рецидивный всплеск когда-то страстной земной привязанности. Это прошлого. Больше в переписке одиночное поссесивное местоимение, с его значениями “владения, обладания”, не появится никогда.

Но до конца останется формула прощания, впервые появившаяся в письме Любви

Дмитриевны от 19 мая 1907 г. из Шахматова. Она пишет мужу, увлеченному в тот момент актрисой театра В.Ф. Коммиссаржевской Н.Н. Волоховой: “Милый, целую тебя, Господь с тобой!” (Переписка 2017: 243). Это благословляющее и всепрощающее выражение, подхваченное Александром Блоком в ответном письме от 21 мая, станет постоянным символом их нежности и своеобразной верности друг другу, несмотря на все измены и ошибки. В нем жесты любовной риторики уступают место интонации высокой дружбы-любви. Иными словами, вся начальная энергия эроса преобразуется в жесты филии, выражающие сложные, противоречивые отношения между А.А. Блоком и Л.Д. Менделеевой-Блок, странный феномен их любви и брака, вписывающийся в житнетворческие теории и практики русского модернизма.

Библиография

Барт 1999: Р. Барт, *Фрагменты речи влюбленного*, Ad Marginem, М., 1999.

Берендеева 2011: И.А. Берендеева, *Приметы романной формы в письмах А. Блока к Л.Д. Менделеевой 1901–1903 гг.* // «Шахматовский вестник», вып. 12. Биография как источник и контекст творчества А. Блока. Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения поэта (10–12 октября 2010), ИМЛИ РАН, М., 2011.

Блок 1963: А.А. Блок, *Собрание сочинений: в 8 т., Письма 1898–1921*, Гос. Издат, М.–Л., 1963, т. 8.

Веселовский 1989: А.Н. Веселовский, *Историческая поэтика*, Высшая школа, М., 1989.

Волошин 2013: М.А. Волошин, *Собрание сочинений. Переписка с Маргаритой Сабашниковой*. Книга первая. 1903–1905, Эллис Лак, М., 2013, т. 11, кн. 1.

Волошин 2015: М.А. Волошин, *Собрание сочинений. Переписка с Маргаритой Сабашниковой*. Книга первая. 1906–1924, Эллис Лак, М., 2015, т. 11, кн. 2.

Елистратова 1973: А. Елистратова, *Эпистолярная проза романтиков // Европейский романтизм*, Наука, М., 1973, с. 309–351.

Игошева 2013: Т.В. Игошева, *Ранняя лирика А.А. Блока (1898–1904): поэтика религиозного символизма*, Глобал Ком, М., 2013.

Иоффе 2005: Д. Иоффе, *Жизнетворчество русского модернизма sub specie semioticae. Историкографические заметки к вопросу типологической реконструкции системы жизнь ↔ текст* // «Критика и семиотика», 2005, вып. 8, с. 126–179.

Лотман 1992: Ю.М. Лотман, *Декабрист в повседневной жизни. Бытовое поведение как историко-психологическая категория* // Ю.М. Лотман, *Избранные статьи в 3-х тт.*, Александра, Таллинн, 1992, т.1, с. 296–336.

Лотман 2003: Ю.М. Лотман, *Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»* // Ю.М. Лотман, *Пушкин, Искусство–СПБ, СПб.*, 2003, с. 391–762.

Магомедова 2017: Д.М. Магомедова, «Роман в письмах»: *Переписка Александра Блока с женой (1901–1917 гг.)* // А.А. Блок – Л.Д. Менделеева–Блок. *Переписка 1901–1917 гг.*, ИМЛИ РАН, М., 2017, с. 3–18.

Мельникова 1984: Н. Мельникова, *Проблема цельности личности в письмах А.А. Блока* // «Literature» = «Литература», Vilnius, 1984, 26 (2).

Мельчук, Жолковский 1984: И.А. Мельчук, А.К. Жолковский, *Толково-комбинаторный словарь современного русского языка*.

Опыты семантико–синтаксического описания русской лексики, Wiener Slawistischer Almanach, Вена, 1984.

Матич 2008: О. Матич, *Эротическая утопия. Новое религиозное сознание и fin de siecle в России*, Новое литературное обозрение, М., 2008.

Орлов 1978: Вл. Орлов, *Сны и явь // А.А. Блок, Письма к жене*, Наука, М., 1978 (Литературное наследство, т. 89).

Павлова 2004: М.М. Павлова (сост.), *Эротизм без границ: сборник статей и материалов*, Новое литературное обозрение, М., 2004.

Переписка 2004: *Валерий Брюсов – Нина Петровская. Переписка: 1904–1913*, Новое литературное обозрение, М., 2004.

Переписка 2009: Вячеслав Иванов, *Лидия Зиновьева–Аннибал. Переписка: 1894–1903*, Новое литературное обозрение, М., 2009, т. 1.

Переписка 2017: А.А. Блок – Л.Д. Менделеева–Блок. *Переписка 1901–1917 гг.*, ИМЛИ РАН, М., 2017.

Шкловский 1966: В. Шкловский, *Метафора и сюжет // В. Шкловский, Повести о прозе. Размышления и разборы*, Художественная литература, М., 1966, т. 1, с. 86–89.

Шоре 2003: Э. Шоре, *“Ничего так не ненавижу на свете, как материнство...”: Конструкты женственности и попытки преодоления их в воспоминаниях Л.Д. Менделеевой–Блок // Э. Шоре, К. Хайдер (ред.), Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования: Сб. статей, РГГУ, М., 2003, вып. 3.*

Эпштейн 2006: М. Эпштейн, *Любовные имена. Введение в эротонику. Статья–поэма // «Октябрь», 2006, №7, <http://magazines.russ.ru/october/2006/7/ep12.html>, 17 июня 2018.*